

МОЁ ПОСТ-ИМАГО

ВЛАДИМИР
ТОРИН

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

фэнтези

МИОО

Часть первая

Милые игрушки

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Гудок штормовой тревоги прорезал густой грязно-серый туман и смолк.

Вскоре, ровно через десять минут, он раздался снова, завывая с аэробакенов, висящих в небе над крышами, и со столбов на перекрестках: сирена Срочного Тревожного Предупреждения оповещала жителей города, что ночью ожидается туманный шквал.

Мгла затопила Гáбен еще ранним утром, а к вечеру стусилась уже настолько, что полеты над городом отменили. Даже наземный транспорт работал с перебоями: кебы исчезли, старенький омнибус не ходил, да и на трамваи было рискованно полагаться. Еще в полдень почтальоны прекратили доставлять письма и бандероли. При этом трубы пневмопочты, обвившие город металлической паутиной, дрожали, почти не успокаиваясь: личное общение заменили собой послания в капсулах.

Постепенно улицы опустели. Полицейские тумбы на перекрестках выглядели одинокими и покинутыми — констеблей распустили по домам; и сейчас вроде как было самое время для всяческой мерзости, что порой творится на гáбенских улочках, но различные грабители, убийцы, коварные заговорщики и им подобные малоприятные личности предпочли взять выходной. И то верно — кому захочется исчезнуть в тумане, раствориться в нем без следа?

Когда начало темнеть, уже почти ни у кого не осталось сомнений в том, что, пока шквал не закончится, нос из дома лучше не высовывать. Ну а те, у кого дома не было, забрались в подвалы и на чердаки, забились в щели, откуда их не вытянут — разве что клещами.

А уж когда стемнело окончательно, Тремпл-Толл, который еще называют Саквояжным районом, словно бы и во все вымер. Мощенные брусчаткой улицы и мосты, обычно суетливые и бурлящие жизнью дворы-колодцы, еще вчера шумные рынки и нервная, как пациент психушки, Чемоданная площадь с хмурым зданием вокзала — все замерло...

Время будто остановилось в укутанном во мглу городе. Помимо звучащих порой гудков сирены, здесь сейчас не раздавалось ни единого звука.

Почти ни единого. Если прислушаться, на улице Даунинг, неподалеку от Беззубого моста, можно было различить звук быстрых шагов.

В тумане шел человек.

Совершенно не примечательный с первого взгляда человек — такой, знаете ли, обывательский обыватель породы серых клерков, которые целыми днями портят зрение, корпя над бумагами в полутемных конторах. Жизнь подобных клерков обычно монотонна и уныла: она проходит под скрип чернильных ручек, перестук клавиш печатных машинок и грохот штемпелей. Ничего особенного с такими людьми не случается — о них не сплетничают и не пишут в газетах, — слишком редко они попадают в истории.

Что ж, Джонатан Мортон, а так звали этого клерка, сам того не зная и уж точно не желая, как раз таки попал в историю. Волосы его были взъерошены, пальто распахнуто, шляпа-котелок танцевала в дрожащих пальцах, а зажатый под мышкой портфельчик все норовил выскользнуть.

День не задался с самого утра. Именно сегодня Джонатан должен был вернуться домой пораньше, но его начальник, мистер Лейпшиц-старший из конторы «Лейпшиц и Лейпшиц», будто назло никого не отпускал до тех пор, пока даже конторские часы не устали идти и не встали. Старый хрыч заставил всех своих служащих доделать отчеты, и никакие просьбы и мольбы не могли тронуть его сухую канцелярскую душу. Какие там просьбы, если даже сообщение о том, что на город надвигается жуткий шквал, в виде аргумента не принималось. И лишь после того, как все бланки были заполнены, папки завязаны, а чернила налиты в чернильницы, дотошный глава конторы смилостивился и распустил своих клерков по домам.

Когда Джонатан наконец вышел из унылого, как зубная боль, темно-серого здания, которое всей душой презирал, было восемь часов вечера, а туман поднялся до уровня третьего этажа. Погодка намекала: «Скорее отправляйся домой, не то отсыреешь так, что не поможет даже промокательная бумага». Джонатан намеку не внял: впереди у него было очень важное дело.

Перейдя улицу, он застегнул пальто, натянул на голову котелок и направился к трамвайной станции.

Еще издали он увидел, что во мгле под кованым козырьком, дожидаясь трамвая, стоит несколько человек. Ну а подойдя, отметил, что всех их кое-что объединяет: встревоженные взгляды, нахмуренные брови и нервно прикушенные губы. Эти люди напоминали лунатиков, которые вдруг вышли из своего сомнамбулического блуждания и явно не понимали при этом, где они оказались и как сюда забрели. Кто-то кивнул Джонатану, кто-то бросил на него быстрый взгляд и отвел глаза, а кто-то удовлетворенно осклабился, словно что-то шло по какому-то его плану.

Джонатан просунул в щель для монет четверть фунта и крутанул ручку. В тот же миг билетная тумба затряслась и заскрежетала, будто захихикала, и из нее выполз билетик.

Разогнав рукой туман перед лицом, Джонатан уставился на станционные часы. Выделявали они что-то странное: ячейки на датчике обратного отсчета до прибытия трамвая зависли между отметками «10» и «09». Судя по всему, часы были попросту сломаны...

Ни через девять, ни даже через десять минут трамвай не подошел. Джонатан и его собратья по несчастью прождали не меньше полчаса, и за это время мимо не проехал ни один экипаж. Тревога и нервозность на станции всё нарастали. То и дело кто-то высказывал предположение, что трамвая сегодня можно уже и не дожидаться. На что еще кто-то как заведенный твердил: «Нет, что вы! Трамвай точно будет! Можете мне поверить!»

Джонатан поймал себя на том, что достает из жилетного кармана свои старенькие часики уже едва ли не каждую минуту, и подумал, что со стороны сейчас, вероятно, напоминает какого-то невротика. Время от времени он порывался отправиться пешком, ведь, по сути, идти ему было не очень далеко — до следующей станции, но, как часто и бывает, он все надеялся, что вот-вот, ну вот прямо сейчас, ну почти-почти — и трамвай подъедет. Да и мысль «Но я ведь купил билет» не позволяла ему сделать и шага. Сугубо из-за своей нерешительности он и простоял так долго.

И все же этот мерзкий город, видимо, соизволил сменить гнев на милость, и, когда Джонатан уже окончательно отчаялся, в тумане раздался звонок. К станции, лязгая и скрежеща, медленно подкатил трамвай маршрута «Сонный сквер — площадь Неми-Дрё».

«Как хорошо, что я никуда не пошел», — подумал Джонатан и, забравшись в полупустой вагон, пробил билетик

при помощи механического компостера, после чего занял место у окна.

Двери-гармошки закрылись. Из бронзовых вещателей над ними прозвучало трескучее: «*Следующая станция — “Городская лечебница”*», и вагон, качнувшись, тронулся.

Трамвайщик был вынужден зажечь дополнительные наружные фонари, но даже так было видно лишь ближайšie несколько футов впереди, поэтому он ежеминутно трезвонил, на всякий случай предупреждая котов, бродячих собак, пьянчуг и нищих детей, которые могли оказаться на пути, чтобы убирались с дороги.

Джонатан почти не обращал внимания на эти обычно раздражающие звуки. Погрузившись в себя, он представлял, как выйдет на следующей станции, быстренько преодолеет квартал и, наконец, окажется возле лавки, о которой думал весь день. Ему не терпелось поскорее увидеть яркие светящиеся витрины, услышать веселую мелодию механической шкатулки и ощутить это вышедшее прямиком из детства чувство — трепет, когда подарочную коробку упаковывают в пеструю бумагу и перевязывают ленточками. А еще...

Приятные мысли вдруг забились по углам, как испуганные дети с возвращением злого отца.

Сидевшие спереди две дамы со сложенными антитуманными зонтиками что-то горячо и довольно громко обсуждали. Джонатана не особо волновало, о чем они говорят, пока до его слуха не долетело знакомое название.

— «Тео-Тео» — лучшая игрушечная в Тремпл-Толл, — сообщила одна из дам важно. — А новая кукла Миранда из «Коллекции для послушных девочек» просто восхитительна! Марджори мне все уши прожужжала об этих куклах. Но мистер Догерти ее хвалил, и я поддалась на уговоры!

— Моя Клотильда вся обзавидует, — проворчала другая дама. — Она тоже хочет себе эту... эту Миранду.

— А ты не говори ей пока, что у Марджори есть эта кукла. Подожди, пока шквал закончится, а потом пойди в «Тио-Тио» и купи ее.

— Может, сейчас купить? Это же Клотильда! Она точно как-то прознает и устроит нам с Говардом кавардак и катастрофу.

— Ничего не выйдет, — огорчила ее собеседница. — «Тио-Тио» уже не работает. Миссис Фрункель как раз закрывала, когда я уходила. Мы с одним лысым джентльменом, у которого отвратительные манеры и длинный нос (его этот нос точно будет сниться мне в кошмарах!), были последними покупателями.

— Какая жалость...

«Да уж! Вот именно — какая жалость! — Джонатан сжал ручку портфельчика так крепко, что даже пальцы заболели. — Не успел! Не успел до закрытия! Марго меня убьет... Бедный Калеб — он так ждет подарок!»

Трамвай остановился, двери открылись, и трамвайщик что-то проскрежетал через вещатели.

С тоской отметив наглый клоч тумана, забравшийся в вагон, Джонатан уставился в окно, за которым ничего, кроме мглы, не было. Учитывая то, что он узнал, подслушав разговор попутчиц, выходить на станции больше не имело смысла. Ему отчетливо виделись разочарованные лица жены и сына, когда он сообщит им, что ничего не купил. Нет, он не сможет им этого сказать... просто не сможет... Калеб не должен остаться без подарка в свой день рождения!

Трамвай двинулся дальше, а Джонатан принялся вспоминать, нет ли поблизости других лавок игрушек. На ум, к его досаде, ничего не приходило, да и, вспомни он что-нибудь, в такое время и непогоду всё уже, вероятно, закрыто.

«Проклятье! — мысленно выругался Джонатан. — Сплошные напасти. Сперва этот туманный шквал объявили так

не вовремя, потом бездушный мистер Лейпшиц со своими отчетами продержал меня допоздна, а затем еще и трамвая так долго не было, и вот я не успел в “Тио-Тио”. Разве может быть еще хуже?..»

Трамвай вдруг резко качнулся, вздрогнул, словно у трамвайщика прихватило сердце, и встал. Котел в рубке зарычал на весь вагон, салон наполнился паром и шипением. Погасли лампы. А следом и наружные фонари...

— Что стряслось? — раздались удивленные и испуганные голоса. — Мы на что-то наехали?

В ответ из вещателей проскрипело: *«Поломка! Поломка! Трамвай дальше не идет!»*

— Ну вот! Здорово! — прорычал себе под нос Джонатан и направился следом за прочими возмущенными пассажирами к открывшимся дверям-гармошкам.

Трамвай не дотянул до станции совсем чуть-чуть — остановился в нескольких футах от перекрестка Бремроук и Харт.

На углу стояла синяя полицейская тумба с четырьмя торчащими во все стороны сигнальными трубами. Рядом с ней, точно восковая фигура, замер констебль в шлеме и темно-синем мундире с гербовыми медными пуговицами. Наличие полицейского на посту удивило Джонатана: он полагал, что их всех на сегодня освободили от обязанностей.

И все же сейчас его волновало кое-что другое. Что делать дальше? Куда идти? Где искать подарок сыну?

Видимо, тревожные мысли отразились на лице Джонатана, поскольку констебль окинул его подозрительным взглядом и глухо пробасил:

— Вам нужна помощь, мистер? Вы выглядите так, будто попали в затруднительное положение.

— Я... э-э-э... да, — замялся Джонатан. — Все так, сэр. Вы не подскажете, поблизости, случайно, нет какой-нибудь лавки игрушек или кукольной мастерской?

Констебль поглядел на Джонатана как на сумасшедшего.

— Вы ведь знаете, что объявлено штормовое предупреждение?

— Да-да, сэр. Но это дело невероятной важности...

Полицейский задумчиво потер подбородок.

— Лавка игрушек... гм... С ходу ничего такого не припоминается, хотя... — он вдруг замолчал.

Джонатан с надеждой спросил:

— Хотя?

— В паре кварталов отсюда, на Бромвью, были «Детские манатки Монти». Небольшая лавчонка на третьем этаже уголовного дома, возле «Аптеки Медоуза».

— О, благодарю вас, сэр!

— Не спешите радоваться! — хмуро сказал констебль. — Совсем запамятовал: Монти ведь разорился в прошлом году.

Джонатан едва сдержался, чтобы не выругаться в присутствии представителя закона. Пожелав констеблю хорошего вечера, раздраженный и отчаявшийся, он поудобнее перехватил портфельчик и двинулся по улице Харт в сторону дома.

— Мистер! — окликнул его констебль, и Джонатан обернулся. — Я тут вспомнил. Когда-то здесь неподалеку была еще одна лавка игрушек. В переулке Фейр.

— Фейр?

— Это возле старого кабаре «Тутти-Бланш». Знаете его?

Джонатан мрачно кивнул — это кабаре знали все. Полицейский продолжил:

— Переулок будет справа, сразу за трамвайной станцией. Быть может, лавка все еще работает и вы найдете там то, что ищете.

Поблагодарив констебля, Джонатан торопливо перешел мостовую и, не оглядываясь, пошагал вниз по Бремроук, вдоль трамвайных путей.

Дождавшись, когда он скроется в тумане, констебль бросил взгляд на замершего в ожидании трамвайщика в окошке рубки и многозначительно кивнул ему. Затем открыл дверцу сигнальной тумбы и достал из кармана мундира блокнот и карандашик. Что-то быстро черкнув, он оторвал страничку и сунул ее в продолговатую латунную капсулу, а саму капсулу опустил в чернеющий зев раструба на дне тумбы. Послание ушло...

Дверка с глухим стуком закрылась, блокнот с карандашиком вернулись в карман, и констебль, довольно насвистывая, потопал по улице Харт.

Поведение полицейского могло бы показаться Джонатану Мортону весьма подозрительным, если бы он, конечно, увидел то, что происходило у тумбы...

Улица Бремроук, одна из самых оживленных и широких улиц Саквояжного района, сейчас совершенно на себя не походила. Было непривычно наблюдать отсутствие очереди к чистильному шкафу и газетной тумбе. Еще страннее было видеть закрытым окошко местной живой достопримечательности, мадам Эдвины Эдвис, продающей советы.

Пустынный тротуар, на котором всегда было не протолкнуться, сейчас принадлежал одному лишь Джонатану, но он старался идти ближе к стене дома, чтобы не потерять направление.

Знакомые вывески оставались позади одна за другой. Цирюльня, мастерская по ремонту малых домашних механизмов, часовщик, башмачник... На дверях висели замки, окна прятались за ставнями, а механический сом над рыбной лавкой «Чешуя Филиппа», который обычно скрипел проводочными усами и скрежетал плавниками на полквартала, замер в безмолвии.

То и дело взгляд натыкался на висевшие тут и там афиши нового радиоспектакля:

*То, чего вы так ждали!
То, о чем давно ходили слухи! Не пропустите! Не пропустите!*

Аудиодрама
«ТАИНСТВЕННОЕ УБИЙСТВО»

*История, от которой стынет кровь!
Маховик для вашего сердца!
Пример вашей бледности!
Жуткое и загадочное происшествие,
которое не оставит вас равнодушным!*

*Начало: с двенадцатым ударом часов в полночь
(вещание Старого центра).*

Что ж, эта мрачная афиша, как ничто иное, иллюстрировала сегодняшний Габен, впавший в кому Тремпл-Толл и настроение самого Джонатана Мортонa.

Пустая трамвайная станция меж тем осталась за спиной, а с ней и бакалея «Гнуфф», и булочная «Броттерри». Дом внезапно закончился, как газетная страница.

На стоявшем тут же фонарном столбе висел указатель: «*Переулок Фейр*». К столбу прислонился сколоченный из досок щит, к которому была прикреплена очередная афиша. Джонатан бросил на нее безразличный взгляд: еще одно объявление о радиоспектакле?

Но нет, это было кое-что совершенно иное. Изображенная на афише марионетка в шутовском колпаке выглядела настолько неровной и угловатой, будто ее нарисовал ребенок — и не просто ребенок, а ребенок-пьяница. Кривая

надпись над рисунком гласила: *«Лавка игрушек мистера Гудвина»*. Внизу стояла приписка: *«Работаем без выходных, в любое время дня и ночи и в любую погоду»*.

С трудом придушив в себе любые происки надежды, Джонатан повернулся к переулку Фейр. И тут же поймал себя на мысли, что совершенно не хочет туда идти.

Переулок был темным и узким — дома по обе его стороны подступали почти вплотную друг к другу, а в глубине, как-то уж слишком нарочито приманивая к себе, светился одинокий фонарь. Веяло оттуда чем-то недобрым...

«Ну давай же, — подбодрил себя Джонатан. — Смелее! Это ведь всего лишь лавка игрушек...»

Крепко прижав к груди портфельчик, он вошел в переулок Фейр и осторожно двинулся к фонарю.

Под ногами шуршали наметенные с Бревроук опавшие листья. Пару раз Джонатан обо что-то споткнулся, а в какой-то момент прямо из-под его туфли в сторону прыснула тощая крыса.

Да уж, местечко было неприятным и навевало сплошь гнетущие мысли, но пугали Джонатана вовсе не черные окна, заколоченные досками двери и провалы подъездов, в которых поселился туман. Оторопь брала в первую очередь от нависающего слева мрачного здания — какие только слухи о нем ни ходили.

Старое кабаре «Тутти-Бланш» стояло заброшенным много лет. Одни говорили, что в нем когда-то случился пожар, в котором сгорела вся труппа. Другие утверждали, что в один из театральных вечеров в этих стенах произошла ужасная резня. Что там стряслось в действительности, не знал никто, но в любом случае это место пользовалось дурной славой. Слегка утешало, что из кабаре не раздавалось ни звука...

В темном закутке у стены «Тутти-Бланш» стоял старый футляр от контрабаса — судя по промелькнувшим

на мгновение испуганным женским глазам и спешно захлопнувшейся крышке, внутри кто-то жил. Ну да, уж лучше такое укрытие от непогоды, чем никакого...

Вскоре Джонатан наконец добрался до тупика переулка. В тусклом свете газового фонаря он с трудом различил вывеску над дверью:

Лавка игрушек мистера Гудвина.

Большие окна-витрины темнели — не было похоже, что лавка работает. Как Джонатан ни вглядывался, он не смог разобрать ничего внутри, а учитывая наваленные у входа листья и мусор в виде мятых газет, парочки трухлявых чемоданов, дырявого граммофонного рога и окоченевшей кошки, напрашивался неутешительный вывод: сюда вряд ли кто-то недавно заходил и что-то здесь покупал.

«Что же делать, если и здесь закрыто? — подумал он. — Я ведь не могу...»

Снова взвыла сирена. Джонатан нахмурился: до начала шквала осталось не так много времени — нужно поторапливаться!

Пробравшись к двери через кучи мусора, он повернул ручку и потянул дверь на себя. Скрипнули старые петли, зазвенел колокольчик над притолокой.

Джонатан переступил порог. Как только дверь закрылась, фонарь у вывески мигнул и погас.

Лавка игрушек... Внутри это место выглядело как старый комод: повсюду полки и ящички. Почти все место в лавке занимали деревянные стеллажи. В глубине помещения располагалась стойка с ржавым кассовым аппаратом. Стоявшая на ней керосиновая лампа с засмоленным плафоном почти не давала света — неудивительно, что его не было видно

с улицы. А вот для того, чтобы окончательно разувериться в жизни, Джонатану его хватило.

Подвох. Обман. Уловка. Всё в духе этого мерзкого рода!

Быть может, лавка игрушек мистера Гудвина и работала в любое время и в любую погоду, вот только в ней не было никаких игрушек. Покрытые пылью и затянутые паутиной стеллажи, полки и ящики пустовали, лишь за стойкой стоял манекен в потертом фраке, старомодной двуголке на голове и в потрескавшейся белой маске с длинным носом. Штуковина эта была весьма непритязательной, если не сказать уродливой. Зачем она здесь? Для отпугивания грабителей? Или покупателей?

Решив, что увидел достаточно, Джонатан с досадой покачал головой и уже повернулся к двери, чтобы уйти, как тут из глубины лавки раздался скрип.

Джонатан вздрогнул, обернулся и с удивлением понял, что звук издал оживший манекен.

— Заблудились, мистер? — спросил тот неприятным и тягучим, но совершенно человеческим голосом.

«Да ведь это никакой не манекен!» — осенило Джонатана.

Человек за стойкой едва заметно повернул голову и... Джонатану показалось, будто из-под маски, прямо сквозь прорези для глаз, просочилось немного дымчатой тьмы, после чего она тут же забралась обратно.

В первый миг Джонатан почувствовал, как по спине побежали мурашки, но тут же через силу заставил себя успокоиться: видимо, это просто игра обманчивых теней от неровного света чадающей лампы. Тревожное ожидание шквала, переживания из-за подарка, мрачный переулок, само это отвратное место, да и пугающая фигура за стойкой... Все перечисленное никак не способствовало душевному покою — вот и мерещится разная жуть.

Молчание затягивалось, и с каждым мгновением тишина становилась все более вязкой, гнетущей. Взяв себя в руки, Джонатан кашлянул и ответил:

— Прошу прощения. Я, видимо, ошибся.

Человек за стойкой наклонил голову в двууголке набок, будто бы пристально разглядывая посетителя через прорези маски.

— Вы ошиблись?

— Ну да, я ведь так и сказал.

— Нет. Вы сказали, что вы, *видимо*, ошиблись. Смею вас заверить, это крошечное, недоуменно себя ведущее словечко подразумевает сплошную неуверенность и неопределенность. В вашем случае оно значит, что вы в равной степени могли как ошибиться, так и не ошибиться. И раз уж вы вышли из дома, несмотря на штормовое предупреждение, и добрались сюда, то, быть может, все же удостоверитесь, чтобы узнать наверняка?

— Это ведь лавка игрушек мистера Гудвина? — зачем-то уточнил Джонатан, сбитый с толку странными в своей последовательности и абсурдными в своей логичности словами человека за стойкой.

— В этой дыре, я имею в виду Тремпл-Толл, — сказал обладатель маски, — у всего есть свои бирки, этикетки и таблички. Здесь подписано буквально все — над каждой мышиной норой или собачьей конурой приколочена вывеска. И чаще всего их вывешивают скучные серые личности, которым незачем что-либо скрывать и обманывать.

— А вы? — спросил Джонатан. — Вам есть, зачем обманывать ваших посетителей?

Ответом ему стал многозначительный и весьма пугающий смех из-под маски.

— Я бы не назвал себя скучной и уж тем более серой личностью.

Оглавление

И ГАСНЕТ СВЕТ

История о живых куклах, человеке в маске

и загадочных событиях в доме № 24 на Кашиановой улице 5

Часть первая. Милые игрушки 7

Часть вторая. Колыбельная 59

Часть третья. Ты все еще будешь
любить меня утром, мама? 89

МОЁ ПОСТ-ИМАГО

История о таинственном происшествии,

жуткой твари и кулинарных рецептах 141

Часть первая. Таинственное происшествие 143

Глава 1. Пассажир с поезда «Дурбурд» 145

Глава 2. Добро пожаловать в ГНОПМ 180

Глава 3. Зубы, туземцы и пирожки с рыбой 221

Часть вторая. Черный Мотылек 283

Глава 1. В преддверии шквала 285

Глава 2. Тревожные дела 337

Глава 3. Мальчик и его бабочка 381

Часть третья. Кое-что о странных рецептах 433

Глава 1. Купу-кupu из сердца джунглей 435

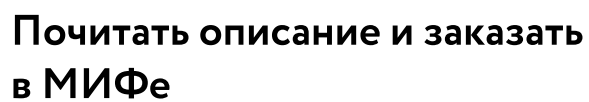
Глава 2. В свете багрового фонаря 490

Глава 3. Человек из «Грабьего списка» 543

Глава 4. Моё пост-имаго 572

Эпилог 608

От автора 618

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

